

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

ОБ ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В восточных диалектах современного марийского языка имеется весьма интересная форма имен числительных с совместным значением, которая употребительна только в парадигме трех субъектно-объектных падежей: род. пад. *когысьнан* 'наш двоих', дат. пад. *когысьланна* 'нам двоим', вин. пад. *когысьнам* 'нас двоих'.

В большинстве диалектов лугового наречия и в горном наречии марийского языка этой форме соответствует другая форма, которая тоже употребляется только в трех субъектно-объектных падежах: род. пад. *когыньнан* 'наш двоих', дат. пад. *когылянна* 'нам двоим', вин. пад. *когыньнам* 'нас двоих'.

В йошкар-олинском говоре лугового наречия эта форма несколько видоизменена: род. пад. *когыльнан* 'наш двоих', дат. пад. *когылянна* 'нам двоим', вин. пад. *когыльнам* 'нас двоих'.

Рассматриваемую форму в современном марийском литературном языке вслед за Э. Беке¹ выделяют в особую категорию совместных числительных², хотя она в основном относится лишь к трем числительным (от двух до четырех). Правда, теоретически она возможна для всех числительных марийского языка, но практически только три указанных встречаются в данной форме, что объясняется, по-видимому, наиболее частым их употреблением. Поэтому не случайно, что в некоторых диалектах современного марийского языка, особенно в речи людей старшего поколения, даже порядковые числительные ограничиваются только числительными от одного до семи (д. Воя Кировской обл.).

Интересно и то, что эта форма в парадигме склонения всегда выступает с притяжательным суффиксом множественного числа и того лица, о совместности которого идет речь. Например: луговое наречие *когыньнам* 'нас двоих', *когындам* 'вам двоих', *когыньыштым* 'их двоих', *когылянна* 'нам двоим', *когылянда* 'вам двоим', *когылянышт* 'им двоим', *когыньнан* 'наш двоих', *когындан* 'ваш двоих', *когыньыштын* 'их двоих'; восточное наречие *когысьнам* 'нас двоих', *когысьдам* 'вам двоих', *когысьтым* 'их двоих', *когысьланна* 'нам двоим', *когысьланда* 'вам двоим', *когысьланышт* 'им двоим', *когысьнан* 'наш двоих', *когысьдан* 'ваш двоих', *когысьтын* 'их двоих'.

Происхождение каждого диалектного варианта рассматриваемой формы представляет определенный интерес в истории развития марийского языка. В варианте *когыньнам* 'нас двоих' Э. Беке усматривает

¹ Э. Беке, *Cseremisiz nyelvtan*, Budapest 1911, стр. 280.

² Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961, стр. 129.

наличие финно-угорского локативного суффикса **-n*.³ Если разобрать представленный диалектный вариант морфологически, по Беке получается: *-m* — суффикс винительного падежа, *-na* — притяжательный суффикс 1-го лица мн. числа, *-nb* — локативный суффикс, *когы* — корень слова. Но тут же возникает вопрос, почему называемый Э. Беке локативный суффикс смягченный и, более того, почему он выражает не местное или временное, а комитативное значение? Уже это ставит под сомнение точку зрения Э. Беке.

На наш взгляд, решение вопроса о происхождении элемента *-ń* нужно искать не в финно-угорском локативе, к которому, к сожалению, очень многие часто возводят *n*-овые формы финно-угорских языков, не придавая значения возможности существования и других *n*-овых форм в финно-угорском языке-основе, а совершенно в ином источнике. Этим источником мы считаем *n*-овый инструктивный падеж финно-угорского времени.

В современном марийском языке весьма продуктивны наречия образа действия, образуемые от различных частей речи и имеющие главным образом инструктивное значение. Например: луг., вост. *писын*, горное наречие *пысьын* 'быстро' от луг., вост. *писе*, горн. *пысьы* 'быстрый'; луг., вост. *шуэн*, горн. *шоэн* 'редко' от луг., вост. *шуэ*, горн. *шоэ* 'редкий'; луг., вост., горн. *коктын* 'вдвоем' от луг., вост. *кокыт* 'два', горн. *кокты*; луг., вост. *кумытын* 'втроем', горн. *кымытын* от луг., вост. *кумыт* 'три', горн. *кымыт*; луг., вост., горн. *шукын* 'много (совместно)' от луг., вост. *шuko*, горн. *шукы* 'много'.

В современных финно-угорских языках *n*-овый суффикс широко распространен как в наречиях, так и в системе падежей и по значению во многом совпадает с наречным суффиксом марийского языка. Например: эрзя-морд. *кавтонь—кавтонь* 'по двое' от *кавто* 'два'; удм. *пыдын* 'пешком' от *пыд* 'нога'; *лушкемен* 'тайно' от *лушкем* 'секретный'; коми-зыр. *откөн* 'одинок, в одиночку' от *отик* 'один' (ср. мар. *иктын* 'в одиночку' от *икте* 'один'); *бурён* 'добром' от *бур* 'доброта'; фин. *kahden* 'вдвоем' от *kahte-* 'два'; *hyvin* 'хорошо' от *hyvä* 'хороший'; венг. *három* 'втроем' от *három* 'три'; *szépen* 'красиво' от *szép* 'красивый'.

В настоящее время ряд финно-угроведов придерживается того мнения, что уже в финно-угорском языке-основе существовал особый падеж инструктив с *n*-овым суффиксом⁴, но некоторые выводят его из древнего *n*-ового локатива⁵. Таким образом, в вопросе о происхождении рассматриваемого суффикса нет единого мнения. Разрешение этого вопроса осложняется и тем, что подобный суффикс имеется в тюркских языках, где он, за исключением чувашского языка, употребляется довольно редко и только с временным значением, например, суффикс *-(и)н*, *-(у)н* в узбекском языке, его исторически возводят к суффиксу инструментального или инструктивного падежей: эртан 'завтра, завтра утром' от эрта 'рано'; кечин 'вечером' от кеч 'вечер',⁶ суффикс

$\frac{ын}{ен}$ в башкирском языке, возводимый к архаичному творительному

³ О. Беке, указ. раб., стр. 280.

⁴ P. Ravila, Die Stellung des Lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie. — FUF XXIII 1935, стр. 47.

⁵ Д. В. Бубрих, Историческая морфология финского языка, Москва—Ленинград 1955, стр. 14—15; К. Е. Майтинская, Развитие системы падежей в венгерском языке, Москва 1950 (рукопись докт. диссерт.), стр. 315.

⁶ А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка, Москва—Ленинград 1960, стр. 287.

падежу: *кышын* 'зимой', *язын* 'весной'⁷. Такой же суффикс с тем же значением и в тех же словах выступает и в турецком языке: *yazın* 'летом' от *yaz* 'лето', *kışın* 'зимой' от *kış* 'зима'.⁸

В чувашском языке подобный суффикс *-ӓн* (*-ӓн*), также возводимый к суффиксу древнего инструментального падежа, весьма продуктивен⁹ и по значению почти полностью совпадает с марийским суффиксом *-н(-ын)*. Например: *пёрчӓн* 'по зернышку' от *пёрчӓ* 'зерно'; *ӓшӓн* 'тепло' от *ӓшӓ* 'теплый'; *иккӓн* 'вдвоем' от *иккӓ* 'два'.

Исходя из чувашских примеров, можно прийти к тому заключению, что в марийском языке наречный суффикс *-н(-ын)* тюркского происхождения, по крайней мере, чувашского. Однако спешить с выводом нет необходимости, так как в современных финно-угорских языках, как мы видели, *n*-овый суффикс распространен гораздо шире, нежели в тюркских. Конечно, отрицать влияние последних, особенно чувашского, на марийский язык нельзя, но нельзя также признать этот суффикс чувашским, по-видимому, здесь наблюдается обратное явление. По всей вероятности, наречный суффикс *-н(-ын)* в современном марийском языке является в основном прямым продолжением финно-угорского инструктива. Былое наличие в тюркских языках *n*-ового инструктива¹⁰, который во многих из них сохранился лишь в единичных наречиях времени, под влиянием древнемарийского *n*-ового инструктивно-комитативного суффикса помогло расширить в чувашском языке его употребление. Мы не будем судить о более древних корнях этого *n*-ового суффикса, хотя поразительное сходство в тюркских и финно-угорских языках могло бы натолкнуть на мысль о единстве их происхождения, но не исключено также и самостоятельное развитие в той и другой языковых группах.

Оказавшись в конце слова и почти совпадая по звучанию с генитивом, в дальнейшем древний инструктивно-комитативный суффикс стал неразличим по форме с генитивным. Считать суффикс *-н(-ын)* по происхождению только локативным, тем более генитивным, вряд ли возможно. По крайней мере, в древнемарийское время, возможно даже и в домарийское, этот суффикс был суффиксом самостоятельного инструктивно-комитативного падежа. Кроме того, в разряд *n*-овых наречий марийского языка вошли также и локативные формы, утратившие на конце гласный суффикса. Однако такое явление охватило не все локативные формы, ибо локативный суффикс *-не* (*-но*, *-нӧ*) в современном марийском языке последовательно сохранился во всех диалектах. Например: луг., вост. *мӱндырнӧ* 'далеко', горн. *мӱндӱрнӱ* от луг., вост. *мӱндыр* 'дальний, даль', горн. *мӱндӱр*, луг., вост. *ончылно* 'впереди', горн. *анзылны* от луг., вост. *ончыл* 'перед, передний', горн. *анзыл*.

Таким образом, в современных *n*-овых марийских наречиях исторически представлены две древние формы: *n*-овые инструктивно-комитативные и *n*-овые локативные, первая из которых очень важна для нас при разрешении вопроса о происхождении формы числительных с совместным значением.

⁷ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, Москва—Ленинград 1948, стр. 115.

⁸ А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого языка, Ленинград 1934, стр. 162.

⁹ Материалы по грамматике современного чувашского языка, ч. I, Чебоксары 1957, стр. 278.

¹⁰ Г. И. Рамstedт, Введение в алтайское языкознание, Москва 1957, стр. 49.

О том, что в древнемарийском языке существовал инструктивный суффикс с комитативным оттенком значения, может свидетельствовать и история условного союза *гын* 'если'. Ф. Гордеев считает, что этот союз возник из сращения неопределенно-личного местоимения *ку-* и падежного суффикса *-ини*, близкого по своему значению к генитиву и инструктиву.¹¹

Действительно, в горном наречии этот союз имеет форму *гынъ*. В конце прошлого столетия финский ученый Г. Рамстедт зафиксировал в горном наречии следующие варианты этого союза: *ni, jara mästet kiñ* 'ну, ладно, если умеешь'; *šolten buk²šet kiñä, bara am nänge* 'если ты накормишь меня, то я не заберу тебя'.¹² В малмыжском диалекте восточного наречия этот союз имеет также мягкий согласный *-нъ*, например: *сиреньжымат тугем иле, розаж гане лиеш кынъ* (запись автора) 'и сирень бы поломала, если бы была как роза'.

В родственных языках рассматриваемому союзу соответствуют: удм. *ке* 'если': *тодысал ке, озьы ой лестысал* 'если бы знал, так бы не сделал'; коми *кӧ* 'если': *эн мун, абу кӧ охота* 'не ходи, если нет желания'; манси *ке* 'если', венг. *ha*, эст. *kui*. В финском языке имеется союз *kuin* 'как, чем', наиболее близкий по звучанию марийскому *гынъ*, *кынъ* 'если' и общий по происхождению с эстонским *kui* 'если'.¹³ Финский союз *kuin* представляет собой инструктив местоимения *ku-*.¹⁴

Мягкость конечного согласного *-н* в диалектных вариантах условного союза *гынъ*, *кынъ* 'если' свидетельствует о том, что *n*-овый элемент здесь не локативный. Эта мягкость возникла не иначе, как под влиянием предшествовавшего гласного *i*.

Таким образом, союз *гын* 'если' возник из инструктивной формы местоимения *ку-*. Инструктивное значение *как* вполне могло развиться в значение *если*, о чем говорит даже эстонский союз *kui* 'если' общий с финским *kuin* 'как, чем'. Фонетически развитие союза *гын* (*гынъ*) выглядело примерно так: **kuin > kiñ > kəñ ~ kəñ (kəñ)*.

Начальный согласный в марийском слове озвончается только после сонорных согласных и гласных предшествующего слова. Гласный *-у* первого слога выпал, потому что для марийского языка не характерно зияние гласных (ср. *кугыза* 'старик' из *кугу + иза* 'большой, старший брат'). Конечный согласный *-н* под влиянием предшествующего гласного *-и* смягчился, что сохранилось в некоторых диалектах, а в луговом наречии конечный мягкий согласный *-н* утратил свою мягкость (ср. *кестен* из русск. *кистен*).

Итак, не может быть сомнения, что в древнемарийском языке был *n*-овый инструктив с оттенком комитативного значения. Раз так, то рассматриваемая форма имен числительных *когыннам* 'нас двоих' представляет собой винительный падеж от древней инструктивно-комитативной формы *когынъ* 'двое'. Не случайно в современных марийских диалектах встречается форма *когынъланышт* 'им двоим' (Пермская обл.), где отчетливо сохранились все составные элементы формы: *когы-* — корень слова, *-нъ* — инструктивно-комитативный суффикс,

¹¹ Ф. И. Гордеев, О происхождении условного союза *гын* в марийском языке. — Труды Марийского научно-исследовательского института, вып. XV, Йошкар-Ола 1961, стр. 142.

¹² G. Ramstedt, Bergtscheremissische Sprachstudien (= MSFOu XVII), Helsingfors 1902, стр. 185.

¹³ Suomen kielen etymologinen sanakirja II, Helsinki 1958, стр. 230.

¹⁴ Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка, ч. I, Москва 1953, стр. 90.

-лан — суффикс дательного падежа, -ышт — притяжательный суффикс 3-го лица мн. числа.

Происхождение форм *когынь*, *коктын* 'двое', как видно, одинаково, только в последней согласный -н будучи в конечном положении озвончился.

Диалектный вариант *когыльнам* 'нас двоих' возник вследствие перехода мягкого *ñ* (*нь*) в *l'* (*ль*), что фонетически вполне объяснимо: ср. *мыньык*, *выльык* 'веник' или *когыльнам* 'нас двоих', но *когыньыштым* 'их двоих'.

В восточном наречии форма *когысьнам* 'нас двоих', по-видимому, развилась из той же формы *когыньнам* 'нас двоих'. Здесь произошло парадигматическое обобщение притяжательного суффикса 3-го лица *сь* (*ś*) < *с* (*s*), т. е. из формы 3-го лица мн. числа *когысьтым* 'их троих' элемент *сь* (*ś*) путем обобщения перешел и на формы 1-го и 2-го лица, а согласный *нь* выпал. О том, что элемент *сь* (*ś*) является первоначальным притяжательным суффиксом 3-го лица убедительно свидетельствуют следующие формы: *чыласьтым* 'их всех', луг. *чылаштым* 'их всех', *вигесьтым*, луг. *вуйгештым*, *когысьтым* 'их двоих', луг. *когыньыштым*.

Таким образом, в восточном наречии форма **когыньыштым* 'их двоих' дала **когыньысьтым*, а затем *когысьтым* и лишь после этого элемент *сь* (*ś*) распространился на формы 1-го и 2-го лица, поэтому мы имеем: *когысьнам* 'нас двоих', *когысьдам* 'нас двоих'.

I. S. GALKIN (Joškar-Ola)

ZUR GESCHICHTE EINER FORM VON ZAHLWÖRTERN IN DER MARISCHEN SPRACHE

In den gegenwärtig gesprochenen marischen (tscheremissischen) Dialekten gibt es verschiedene Varianten kollektiver Zahlwörter, die sich im allgemeinen auf bloß drei Zahlwörter — von zwei bis vier — beschränken. Diese Formen treten nur in drei Kasus auf, — im Genitiv, im Dativ und im Akkusativ, und zwar stets mit dem Possessivsuffix Plur, derjenigen Personen, von deren Gemeinsamkeit die Rede ist, so z. B. im Wiesendialekt *когыньнам* 'uns beide' *когыньдам* 'euch beide'; im Ostdialekt *когысьланна* 'uns beiden', *когысьтым* 'euch beiden' usw.

Der Verfasser meint, daß die betrachteten Formen den instruktiv-komitativen Kasus darstellen, z. B. die Form *когыньнам* 'uns beide' zerfällt morphologisch in *когы* (Wortstamm), *-нь* (instruktiv-komitatives Suffix), *-на* (Possessivsuffix 1. Pers. Plur.), *-м* (Endung des Genitivs).